

*В. ВАСИЛЬЕВ,
рабочий Путиловского завода*

ПУТЬ К ШТУРМУ

К штурму Зимнего дворца меня привел весь мой жизненный путь. Вырос я на Миллионной. Собственно, называлась она Богомоловской, но иначе, как Миллионной, ее за Нарвской заставой не звали. Замощена была эта улица булыгой, освещена керосиновыми фонарями, «благоустроена» дощатыми мостками. Дома стояли на ней всё больше деревянные, заселенные котельщиками, формовщиками, кузнецами и прочими «миллионщиками».

Очень запомнилось мне из моего детства Кровавое воскресенье. Морозным солнечным утром взял отец меня за руку, вышел с другими жильцами нашего дома на Миллионную, а оттуда к Путиловскому заводу. Там было уже черным-черно от народа. Весь этот люд двинулся к Нарвским воротам, забирая в церквах хоругви и иконы. Пошли и мы. Отец посадил меня на плечо. Идем. Слышим, запел где-то впереди рожок. Отец встревожился: он, когда был молодым, в армии служил.

— Алексей, — с тревогой обратился он к кузнецу, шагавшему рядом с нами, — а ведь стрелять будут. Я этот рожок знаю.

— Ты что это?.. По иконам, да стрелять?

— А то, думаешь, посовестьятся?

Опять запел рожок.

— Ложись! — закричал отец. — Ложись!..

Снял он меня с плеча, лег на мостовую, прикрыл

своим телом. В третий раз пропел сигнальный рожок, потом послышался сухой треск. Толпа охнула, подалась назад. Люди, находившиеся вблизи нас, бросились враспынную, оставляя на грязном снегу хоругви, иконы, царские портреты.

— Василий, — забормотал Леонтьев, лежавший около моего отца на мостовой, — Василий, кажись, я ранен.

Отец оттащил его к деревянному забору, сдал молодым учительницам, подбежавшим к нам, быстро перебрал меня через забор, сам перемахнул через него. Укрылись мы в домике у знакомых, живших в Химическом переулке.

Вернулись домой к вечеру. Мать застали в слезах. Она, оказывается, уже несколько больниц обегала, разыскивая нас среди жертв Кровавого воскресенья.

Этот день навсегда, словно резцом, врезался в мою память.

Пришло время, поступил я в Путиловскую школу, сдружился там с Васей Алексеевым. Мы хоть и ребятами были, а всё же Первого мая надевали красные кумачовые рубашки, ходили по другим школам, звали сверстников бросать занятия, играть с нами в лапту, в городки.

Через три года обучения отдал меня отец в столярную мастерскую: становись на собственные ноги. У отца, кроме меня, еще восемь малых ртов просили хлеба.

В столярной мастерской Сахарова, находившейся на Васильевском острове, я прошел свои первые университеты. Спал на верстаке, подложив под голову одежду, носил заказчикам мебель, проходил выучку под тяжелой рукой мастеров.

Когда началась первая мировая война, я ушел из мастерской. Как-то, встретив меня, Вася Алексеев посоветовал:

— Поступай к нам на Путиловский. Токарем станешь. Станок — это тебе не рубанок.

Я поступил в башенную мастерскую, работал там на токарном станке, сблизился через Васю Алексеева с революционно настроенными рабочими. Однажды я подошел к Ивану Ивановичу Газа, шедшему с обеда.

— Меня Вася Алексеев прислал к вам.

Газа — высокий, худощавый — поглядел на меня внимательно своими запавшими глазами.

— Ладно. Он мне говорил о тебе. Смотри же, не теряйся!

Стал я выполнять подпольные поручения.

Около завода держал газетный киоск Степан Хабалов, наш человек.

Зимней ночью добирались мы до Галерной, до Лиговки, до Ивановской, получали там в экспедициях газеты, возвращались с ними к Хабалову, а в шесть часов утра у проходных ворот продавали газеты, незаметно вкладывая в них большевистские листовки.

Душой этого дела был Вася Алексеев. Он сплотил вокруг себя кружок рабочей молодежи. Зимой по субботам, бывало, собирались мы в одной избе Вологодско-Ямской слободы, а летом усаживались в рыбацью лодку, уходили по Емельяновке в залив, причаливали к высокой дамбе Морского канала, поросшей кустарником. Там читали вслух «Мать» Горького, басни Демьяна Бедного, марксистские брошюры Либкнехта.

В февральские дни 1917 года питерские заводы охватила забастовка. Возбуждение народа, вышедшего на улицу, всё нарастало. Подпольная большевистская организация Путиловского завода поручила Васе Алексееву заявить командиру казачьей сотни, расквартированной возле завода, чтобы он не думал выводить сотню на разгон демонстраций.

Пошел и я с Васей.

Поднялись мы по деревянной лестнице, вошли в комнату, заставленную койками, увидели нескольких казаков.

— Где есаул ваш?

Впустили они нас к своему есаулу. Сидит рыжий бородатый насупленный есаул.

— Ну, чего вам?

Мы сказали, что присланы народом, который поднялся против самодержавия, что воинские части примыкают к народу, что лучше бы казачьей сотне на улице не появляться, а не то придется ее разоружить.

Есаул побагровел, показал нам кулак, погрозил арестом, но мы не очень испугались его:

— Арестовать нас вы, конечно, можете, но только поглядите в окно.

Он покосился на окно и увидел толпу, заполнившую улицу. А мы спокойно прошли под взглядами казаков,

игравших плетью, спустились с лестницы, вышли на улицу.

— Ребята, не бойтесь: не выйдут казаки.

На улицах шли уже митинги. Кое-где обезоруживали городских. Стало известно, что Иван Газа ведет по Петергофскому шоссе батальон солдат, перешедший на сторону народа.

Мы встретили этот батальон у Шереметевского парка, побратались с восставшими солдатами, получили от них оружие. Мне достался карабин. Двинулись к местному полицейскому участку, заняли его, а под утро пошли к Литовскому замку, освободили из него политических заключенных.

На Путиловском заводе меня скоро избрали представителем молодежи в цеховой комитет.

На всю жизнь в моей памяти сохранился день 3 апреля. За Нарвской заставой пронеслась весть, что вечером приезжает в Питер Владимир Ильич Ленин, вождь рабочего класса. Собрались мы и пошли с песнями через весь город к Финляндскому вокзалу.

Площадь у вокзала уже вся была запружена народом. И вот мы слышим: раздался под сводами вокзала приветственный гул, вырвался на площадь, разнесся по ближайшим улицам.

Ленин на площади поднялся на броневик и произнес свою знаменитую речь, в которой призывал к социалистической революции. А потом мы взялись крепко за руки, пошли шеренга за шеренгой вслед за машиной Ильича. У особняка Кшесинской мы вновь слушали Владимира Ильича.

А 12 мая Ильич приехал на Путиловский завод. Он поднялся на трибуну, сооруженную возле прокатного цеха. Говорил Ленин сильно, просто, убедительно, временами взмахивал своей кепкой, которую держал в руке.

Он говорил, что мировая война, которая сейчас бушует, — это война грабительская, что трудящиеся должны бороться за власть Советов, — только эта власть трудящихся справедливо разрешит вопросы о мире, хлебе, свободе...

Я слушал Владимира Ильича с восторгом.

Ленин после митинга сел в машину, рабочие его окружили, проводили до самых Нарвских ворот.

Борьба большевиков за власть Советов развивалась.

В Питере организовалась Красная гвардия. На «Путиловце» шел отбор рабочих в красногвардейские отряды. Я записался в пулеметчики. Мы обучались на заводском полигоне, патрулировали днем и ночью район, несли охрану VI съезда партии, нацелившего рабочий класс на вооруженное восстание.

Вечером 24 октября в клуб рабочей молодежи пришел Вася Алексеев, радостный и возбужденный, собрал нас, сказал:

— Завтра выступаем.

Тут же отправились мы на завод, дали знать ребятам, а с завода, не заходя домой, поспешил я в свою пулеметную команду. В ту ночь я не спал, а готовил «Максим» к бою. За окном хлестал осенний дождь. Под утро из районного штаба Красной гвардии прибежали связные:

— Выходи строиться!

Накинул я на себя пальтишко, подпоясался ремнем.

— Ну, Костя, пошли в последний, решительный, — сказал я своему «второму номеру», Константину Василькову.

Снесли мы на руках со второго этажа наш пулемет во двор, пристроились, согласно указанию, позади отряда, направлявшегося к Зимнему дворцу, и пошли через темный город с песней «Смело, товарищи, в ногу». Достигли Морской. Здесь матрос, распределявший отряды, направил нас к Адмиралтейству. Между Александровским садом и зданием Адмиралтейства уже лежала цепь против узорной ограды Зимнего дворца. Тут-то и установил я свой пулемет.

Занимался день, дождливый, хмурый, осенний. Мы поддерживали пулеметными очередями огонь, который временами вела по юнкерам цепь, ждали часа решительной атаки.

Стемнело. По площади, по дворцу, по поленнице, сложенной юнкерами, шарил лучи прожекторов. Вот послышался громовой удар со стороны Невы... «Аврора»! В ответ орудийному выстрелу грянуло «ура». Оно неслось со всех сторон. Из-под арки Главного штаба, от Адмиралтейства бежали матросы, красногвардейцы, солдаты. Они перебирались через поленницу, раскрывали ворота дворца, влезали в окна, проникали всё глубже во дворец.

После штурма я зашел в Иорданский подъезд, поди-

вился его красе, увидел, как по лестнице выводили бывших министров.

А возбуждение наше всё не проходило.

— Ребята, давайте к Смольному!

Мы пошли к Смольному. Почти на каждом углу шли митинги. Перед зданием Смольного горели костры. Здесь мы увидели своих путиловцев. Они рассказали нам, что в Смольном сейчас заседает II Всероссийский съезд Советов. Но разве пробьешься туда? Вернулся я под утро домой, расстегнул ремень с кобурой, скинул пальто, устало потянулся.

— Где трое-то суток пропадал? — спросил меня отец.

— Известно, где, — ответил я. — Зимний брал.

